

118. Воле Русской Церкви. - Письмо Н. Бердяева.

Послание Митрополита Сергия, ныне возглавляюще-
го фактически Русскую Православную Церковь, и волне-
ние, которое оно вызывает в русских православных кру-
гах за рубежом, является фактом неизмеримо более
значительным, чем церковная распря, вызванная Карло-
вицким епископом. Смысл нового события церковной жи-
зни эмиграции совершенно ясен. Хочет ли зарубежная
Православная Церковь до конца разделить мученичес-
кую и страдальческую судьбу православной Церкви в
России. Сейчас наступил решительный момент в церков-
ном сознании православной части эмиграции, от котор-
ого зависит духовное ее будущее. Многим в эмиграции
послание митрополита Сергия и пред"явленное им тре-
бование Митрополиту Евлогию было воспринято, как ок-
рик, как приказание, как насилие над совестью. И вот,
прежде всего хочется сказать, что внутренний смысл
этого послания совсем иной. Понять это до конца мог-
ут лишь люди, которые прожили годы в Советской Рос-
сии и потому способны воспринимать события там про-
исходящие изнутри, а не извне. В действительности по-
слание Митрополита Сергия есть вопль сердца правосла-
вной Церкви в России, обращенный к "православной Це-
ркви за рубежом: "сделайте, наконец, что никуда для нас,
для Церкви-Матери, подумайте о нас, облегчите на-
шу муку, принесите для Церкви Русской хоть какую ни-
будь жертву; до сих пор безответственные слова выш-
них иерархов / Карловицкий Собор / вели нас в тюрь-
му, под расстрел, на мученичество, подвергали Правос-
лавную Церковь в России опасности быть совершенно
раздавленной и уничтоженной, да не будет этого боль-
ше. Карловицкий Собор был виновником ареста Патриар-
ха и гонения на Церковь. Я был в это время в Москве
и знал, как это воспринималось православными круга-
ми России. Нужно, наконец, до конца понять великую раз-
ницу в положении православной Церкви в России и в
эмиграции. Православная Церковь в России, есть Церк-
вь мученическая, проходящая свой крестный путь до
конца. Православная Церковь в эмиграции не мучениче-
ская церковь, ее епископы не знают, что такое мучени-
чество, они в прошлом привыкли к господствующему и
привилегированному положению в Государстве, а за гр-
аницей живут в атмосфере свободы.

Это есть заметное для всех различие в положен-
ии. Но есть другое различие, которое не все понима-
ют. Православная Церковь в России жертвенна в совсе-
м ином смысле и претерпевает нравственное мученич-
ество неведомое и часто непонятное для церковных к
кругом эмиграции. Православная Церковь в России, в ч

лице своих водительствовавших иерархов должна совершить жертву своей видимой красотой и чистотой, она нисходит в мир, находящийся в состоянии смертного греха. Жертва эта совершается во имя спасения Православной Церкви и церковного народа в России, во имя сохранения ее в эти страшные годы испытаний. Митрополит Вениамин был мучеником и мученичество его было явлением красоты и чистоты его человеческого образа. Но Патриарх Тихон был мучеником в ином смысле и мученичество его было более страшным и тягостным. Во имя Церкви, забыв о себе, Патриарх Тихон согласился пожертвовать красотой и чистотой своего образа, согласился говорить языком, который у многих мог вызвать нравственное и эстетическое отталкивание. Мы здесь за границей на свободе можем говорить что хотим языком чистым и красивым, можем представляться себе людьми, неспособными ни на какие компромиссы. Но красота и чистота нашего языка, непримиримость наших выступлений, не имеют большего нравственного веса. Совсем иной вес все имеет там, в России. Героическая непримиримость отдельного человека, готового идти под расстрел прекрасна и полновесна и вызывает чувства нашего восхищения. Но там, в России есть еще другой героизм, другая жертвенность, которые люди не умеют оценивать. Патриарх Тихон, Митрополит Сергей не отдельные частные лица, которые могут думать только о себе. Перед ними всегда стоит не их личная судьба, а судьба Церкви и церковного народа, как целого. Они могут и должны забывать о себе, о своей чистоте и красоте и говорить лишь то, что спасительно для Церкви. Это есть огромная личная жертва. Ее принес Патриарх Тихон, ее приносит митрополит Сергей. Некогда эту жертву принес Св. Александр Невский когда ездил в Ханскую Орду. Отдельный человек может предпочесть личное мученичество. Но не таково положение Иерарха, возглавляющего Церковь, - он должен идти на иное мученичество и принести иную жертву. Свобода слова есть великое благо. Главное оправдание эмиграции в том, что в ней может быть очаг свободной мысли. Но все эти категории неприменимы к жизни Церкви. Эмигрантской Церкви быть не может. Эмиграция есть понятие политическое или бытовое, но не церковное. Существует русская Церковь за границей, как органическое ответвление Матери - Церкви в России, она не имеет самостоятельного источника бытия. Церковными кругами эмиграции должно быть наконец осознано, что двойное мученичество Русской Церкви есть ее религиозное и нравственное преимущество перед Церковью за границей в отношении свободы и чистоты слова, значит только, что она находится только в лучшем, высшем положении, а не то, что она чище. Да и дра-

209

гоценным даром свободы слова эмигрантские круги очень плохо воспользовались, они создали и на свободе застенки, удушающий всякую свободу мысли. Таким представляется мне нравственный смысл послания Митрополита Сергия. Но какие же практические выводы отсюда вытекают. Православная Церковь переживает не только очищающее ее мученичество, она переживает один из величайших моментов своей исторической судьбы. В кровавых муках освобождается она от власти царства Кесаря. Мы живем в эпоху углубления церковного сознания, очищения Церкви от искажавших ее исторических наслоений. Разрыв обязательной связи Православной Церкви с самодержавной монархией, которая длинно му ряду поколений представлялась абсолютной и почти догматической по своему значению, есть великое благо. Церковь возвышается над царством кесаря, в какой бы форме оно ни являлось и она может существовать при какой угодно природно исторической среде. А вместе с тем она действует в истории, тысячами мыслей переплетается с царством кесаря. Отсюда бесконечная сложность исторической судьбы Церкви, ее видимая замаранность. История Церкви полна соглашений, ми и конкордатами, которые не менее тягостны, чем ложность в отношении советской власти. Церковь всегда будет стремиться христианизировать всякую природно-историческую среду, всякое общество, всякое государство, всякую культуру, она не может признавать вполне и окончательно своей христианской, ни какую природно-историческую среду, никакое государство. Та природно-историческая среда, то царство кесаря, с которым Церковь встретилась в римской империи, или в средне вековом феодальном обществе, или в капиталистическом государстве нового времени, сами по себе не более христианские, чем рабоче крестьянское государство, чем коммунистическое общество, если бы оно когда либо осуществилось. Капиталистическое государство, с церковно-христианской точки зрения, не имеет никакой преимущества перед социалистическим государством. Церковь стремится только изнутри духовно христианизировать всякую встретившуюся ей природно-историческую среду и всегда удается это ей только отчасти, вследствие сопротивления человеческого греха. Церковь не может иметь ни каких политических идеалов, и не может быть связана ни с какой политической партией. Положительный идеал Христовой Церкви есть Царство Божие, т.е. личное, социальное и космическое преобразование, обожение: "новое небо и новая земля". Все земные политические формы для Церкви переходящие? Церковь лояльна во отношении к государственной власти, хотя бы то была власть языческого кесаря Нерона или власть антихристианского Совета Народных Комиссаров, в том лишь смысле, что о

она не ведет политической борьбы, не может быть одной из сторон в столкновениях, происходящих в царстве кесаря. Оценки Церкви остаются исключительно религиозными и нравственными. Иным является положение членов Церкви - православных людей. Они, конечно, могут принадлежать к разным политическим партиям и вести политическую борьбу, могут быть монархистами, республиканцами - демократами и даже коммунистами, при обязательном условии согласования своей политики с требованиями христианской совести. Лояльность по отношению к Советской власти со стороны Православной Церкви означает лишь то, что Церковь не участвует в политической борьбе против нее, не может благословить ни какой формы борьбы, кроме духовной, что Церковь принимает факт образования новой природно-исторической среды и может стремиться лишь к христианизации этой среды внутри, духовно борясь против безбожия и растления, во имя Христовой Правды.

Коммунистическая власть родилась в состоянии смертного греха, она совершила много преступлений: убивала, истязала много людей, развращала души детей, отравляла опиумом безбожия народную душу. Церковь не может не осуждать духовно зла и греха, не может не бороться духовно против дехристианизации русского народа. Но это не означает политической борьбы Церкви против Советского строя, против рабоче-крестьянского государства, не означает склонности Церкви к контрреволюции и реставрации. Террор для Церкви всегда греховен, будет ли он левый или правый, и она может его осуждать не вмешиваясь в политику. Церковь может примириться и с коммунизмом, как природно-историческим фактом, стремясь его христианизировать. Но Церковь состоится непримиримой в отношении к антихристианской коммунистической идеологии. И это всего менее обозначает, что Церковь хочет реставрации, восстановления монархии или капитализма. Пусть будет и коммунистическое общество, но не безбожное, не бесчеловечное, не угасающее духа, не отравляющее злобой и ненавистью, не подвергающее гонениям Церковь Христову. Вот церковное сознание, которое вырабатывается в России в эпоху революции. В известном смысле именно Церковь может более принять факт совершившейся революции, чем разные общественные группы и политические партии, именно потому, что Церковь стоит над политикой, над борьбой интересов, что она не от мира сего, что цели ее лежат в вечности. Революция всегда совершается в кровавых насилиях, в одержимости злобой и ненавистью, она есть состояние смертного греха. В этих кровавых насилиях, в этой злобе и ненависти, в этом смертном грехе пробиваются к исторической активности новые социальные слои. Церковь призывает

20608

к покаянию, и очищению, и духовному преобразованию, и
но она не восстает против новых социальных слоев, и
против роли этих слоев в новом государстве, она хоч
ет лишь их христианизировать изнутри. И спасение Рос
сии придет от христианизации новых социальных сло
ев, от духовного перерождения рабоче-крестьянского
общества. Эмигрантские церковные круги до сих пор м
мешают этому духовному выздоровлению русского наро
да, его развитию, пугая его признаками связи церкви
с реставрацией, мешая жизни и делу Русской Церкви. О
Об этом напоминает архиепископ Сергей. Некоторые мес
ста послания Митрополита Сергея шокируют, подписка,
которую он предлагает нам, лишена отчетливости и юри
дического смысла. Но нужно внутренне понять, что все
это значит; митрополит Сергей даже лишен возможнос
ти назвать Россию по имени и принужден называть ее
Советским Союзом. Но мы должны увидеть за этим Росс
сию и признать ее радости и печали своими. Практиче
ски пойти на встречу, призыву Митрополита Сергея зна
чит отныне совершенно прекратить в зарубежной Цер
кви великокняжеские и царские молебны, носящие харак
тер политических демонстраций / само собой разум
еется, что наихуду по каждому отдельном человеке до
лжно служить, будь он царь или крестьянин /, что не
должны быть допускаемы проповеди в церквях или ре
чи на епархиальных съездах, которые носят политичес
кий характер. Это есть ликвидация в зарубежной жив
ни Церкви периода, связанного с гражданской войной.
На этот путь уже вступил митрополит Евлогий и этот
путь должен быть завершен. И этим Церковь лишь осв
бодится от тех соглашений и компромиссов, к которым
она была вынуждена в прошлом. И это будет нашим дух
овным возвращением на родину.

Николай Бердяев.